

С ПУШКИНЫМ ПО КРЫМУ

Тысячу километров «гнались» наши журналисты за поэтом по всему полуострову

Наша Пушкинская экспедиция была приурочена к двухсотлетию путешествия поэта по Тавриде, ставшего важнейшей вехой в истории и культуре полуострова. Мы побывали во всех главных пушкинских местах Крыма – на руинах Пантикапея и у стен Генуэзской крепости в Феодосии, высадились у Золотых ворот Карадага и на скале Святого Явления на Фиоленте, обняли пушкинский кипарис в Гурзуфе, взобрались по Чертовой Лестнице с Южного берега в Байдарскую долину, помолились за поэта в православном Свято-Георгиевском монастыре, положили розы к Фонтану слез в Ханском дворце в Бахчисарае и, наконец, проводили классика до Перекопа.

Александр Машенко и гид экспедиции Иван Коваленко: последний штрих – наклейку с эмблемой экспедиции на автомобиль – и в путь

ПУШКИН КАНОНИЗИРОВАЛ РОССИЙСКИЙ СТАТУС КРЫМА

Те, кто полагает, что поэт был вне политики, не знают ни его жизни, ни его творчества. Прочтите хотя бы «Историю Пугачева» или «Клеветникам России». Показательно и поразительно, что именно в этом, написанном в далеком 1831 году стихотворении поэт канонизирует российский статус Крыма, как бы очерчивая наши государственные границы: «Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды, От финских хладных скал до пламенной Колхиды, От потрясенного Кремля До стен недвижимого Китая, Стальной щетиною сверкая, Не встанет русская земля?..»

Пройдет без малого двести лет, и в 2014 году, после возвращения полуострова в состав России, пушкинские строки из этого стихотворения вновь зазвучат удивительно современно: «О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой грозите вы России? Что возмутило вас? волнения Литвы? (Исправьте здесь на «Украины»). – Прим. авт.) Оставьте: ▶

Вид на гору Митридат – туда первым делом отправился Пушкин, прибыв в Крым

Участники нашей Пушкинской экопедии «Парламентской газеты» и журнала «РФ сегодня» на веселых берегах Салгира (Алексей Васильев, Иван Коваленко и Александр Машенко)

► это спор славян между собою, Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою, Вопрос, которого не разрешите вы».

Россия была для Пушкина абсолютной ценностью. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», – писал он. И клялся своею честью, что ни за что не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Бог.

В Тавриду Пушкин прибыл с Тамани морем 15 (27) августа 1820 года вместе с многочисленной семьей генерала Николая Раевского. Мы въехали на полуостров по Крымскому мосту. На капоте красовался профиль Пушкина. «Я вижу берег отдаленный, земли полуденной волшебные края», – восторженно процитировал наш водитель и гид **Иван Коваленко**.

В Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике нас встретил краевед **Владимир Санжаровец**. Никто лучше него не знает всех деталей пребывания Пушкина в самом древнем городе России.

Керчь ведет свою историю от Пантикапея, основанного в конце седьмого века до нашей эры – больше 26 столетий тому назад. Таврида для Пушкина была прежде всего землей античной цивилизации. Не случайно первое, что сделал Пушкин, ступив на керченскую землю, – бросился на гору Митридат,

где, как считалось тогда, похоронен легендарный понтийский царь. Мы отправились вслед за ним. «Имя Пушкина для керчан так же значимо, как имя Митридата», – рассказал по пути на вершину Санжаровец. – Можно сказать, что это главные герои нашей городской истории».

В Керчи побывал не только Пушкин, но и его самый знаменитый литературный персонаж – Евгений Онегин: «Он едет к берегам иным, Он прибыл из Тамани в Крым. Воображенью край священный: С Агридом спорил там Пилад, Там закололся Митридат...»

Юный Пушкин силой своего гения угадал, что именно в древней истории Тавриды – главное богатство полуострова. Прошло несколько десятилетий после мимолетного визита Пушкина в Керчь, и этот город стал одной из главных археологических сокровищниц России.

ДУХ ПОЭТА ОБРЕТАЕТСЯ В ГУРЗУФЕ

Из Керчи наш путь лежал в Феодосию – еще один античный крымский город, лишь немногим моложе Пантикапея. «Именно в Феодосии был основан первый в Крыму и один из первых в России и Европе музей древностей», – рассказал Санжаровец. – Его создателем был Семен Михайлович Броневский, у которого как раз и остановились на две ночи путешественники».

«Из Керчи приехали мы в Кефу (так называлась Феодосия в то вре-

мя. – **Прим. авт.**), остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом – и, подобно, Старику Виргилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не умный человек, но имеет большие сведения об Крыме, стороне важной и запущенной», – замечает Пушкин в письме брату. Иначе говоря, Броневский как бы оказался проводником поэта в античное царство древней Тавриды.

Было на что посмотреть влюбленному в старину Пушкину в Феодосии и помимо музея древностей. Это прежде всего величественная Генуэзская крепость и древние христианские храмы Карантина, которые помнят самого Афанасия Никитина, отправлявшегося отсюда за три моря в диковинные страны.

Наконец, главная пушкинская точка – Гурзуф. Поэт похоронен на Псковщине, в Святогорском Свято-Успенском монастыре, но его дух находится в Крыму. Годы спустя после путешествия на юг в поэме «Таврида» классик написал: «Так, если удалиться можно Оттоль, где вечный свет горит, Где счастье вечно, непреложно, Мой дух к Юрзуфу прилетит».

Сотрудники музея Пушкина в Гурзуфе наполовину в шутку, наполовину всерьез рассказывают о том, что дух поэта действительно обретается здесь, в старом-старом доме герцога Ришелье, где жил

двести лет назад классик, – то тихонько постучит в дверь, то стукнет чем-то в одной из комнат, а то зашелестит книжными страничками.

Если подойти к этой истории не с романтической или мистической, а с коммерческой точки зрения, то Пушкин, вне всяких сомнений, главный гурзуфский бренд. Его изображения здесь на каждом шагу. Поэт прожил в доме Ришелье, где сегодня расположен его музей, 17 дней, с 19 (31) августа по 5 (17) сентября 1820 года, которые называл счастливейшими днями своей жизни.

«В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом, – писал классик. – Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря, – и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество». Тот самый пушкинский кипарис, конечно, здорово постарел за двести последних лет, но по-прежнему растет во дворе у дома Ришелье.

ПО ЧЕРТОВОЙ ЛЕСТНИЦЕ К БОГУ

Из Гурзуфа путешественники направились в Алупку и дальше – в Свято-Георгиевский монастырь на

Дух Пушкина по-прежнему обретается в доме герцога Ришелье в Гурзуфе

мысе Фиолент под Севастополем. Единственная доступная тогда дорога с Южного берега в Байдарскую долину проходила по головокружительной Чертовой Лестнице (Шайтан-мердвен), которая на некоторых путешественников той поры наводила настоящий ужас, а главного героя наших заметок лишь позабавила. «По Горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших, – вспоминал Пушкин. – Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом».

Сразу за перевалом поэт впервые за долгие дни путешествия по Тавриде увидел березу и испытал приступ сильнейшей... ностальгии. «Я начал уже тосковать о милом полудне, хотя все еще находился в Тавриде, все еще видел и тополи, и виноградные лозы», – вспоминал он. Как утверждают ученые, Пушкин оказался первым, кто документально подтвердил произрастание березы в Крыму, внеся таким образом вклад не только в литературу, но и в ботанику с географией.

В честь пребывания Пушкина на Фиоленте установлена ротонда с мраморным барельефом классика и строками из родившегося здесь послания Чаадаеву. «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне [единственное] сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они: «К чему холодные сомненья? Я верю: здесь был грозный храм, Где крови жаждущим богам Дымились жертвоприношенья», – читаем мы надпись на памятном знаке.

Однако те языческие времена давно канули в Лету, и в православном монастыре классик находит тишину и вдохновение. «...Теперь и лень и тишина, И, в умиленье вдохновенном, На камне, дружбой освя-

Золотые ворота Карадага в XIX веке были известны как Чертовы. По преданию, здесь находился вход в преисподнюю

В XIX веке подъем по Чертовой Лестнице приводил в ужас многих путешественников

Фонтан слез в Ханском дворце вдохновил Пушкина на создание знаменитой поэмы

И поэтические слезы». Много лет каждый день по утрам сотрудники дворца кладут к фонтану две свежие розы. В день нашего посещения это сделала смотрительница зала Ханского дворца Гуляра Сеид-Абдула.

Бахчисарай дал Пушкину сюжет для классической поэмы, а Пушкин... спас сам Бахчисарай. После депортации крымских татар в 1944 году на полуострове переименовали все крымско-татарские населенные пункты. А Бахчисарай, который намеревались превратить в Пушкиноград, сохранил свое историческое имя благодаря тому, что был воспет в знаменитой поэме Пушкина. Советские чиновники смекнули, что город переименовать они, конечно, могут, а вот поэму Пушкина – кишка тонка.

«7 (19) сентября Пушкин и Раевские переночевали в Ханском дворце, – рассказала нам научный сотрудник музея Зинаида Табурина, работающая здесь уже 58 лет! – Скорее всего, путешественников уложили спать в домике смотрителя дворца, где сейчас располагается Художественный музей».

ЗА ПЕРЕКОПОМ ДЛЯ НАС С ПУШКИНЫМ ЗЕМЛИ НЕТ

На следующее утро наш путь лежал в столицу Крыма – Симферополь. Согласно данным академической «Летописи жизни и творчества А.С. Пуш-

кина» 8 (20) сентября 1820 года поэт с семьей Раевских прибыл из Бахчисарая в Симферополь. Несколько дней, проведенных классиком в столице края, остаются, пожалуй, самым темным периодом в истории пушкинского путешествия по Тавриде.

Из записок Гавриила Геракова мы знаем, что 8 (20) сентября он навещал «приставшего» в доме профессора химии Феликса Дессера Николая Николаевича Раевского-старшего, под одной крышей с которым во все время путешествия жил Пушкин. Также нам известно, что в один из последующих дней поэт с Раевским-старшим обедали

у губернатора Александра Баранова в его доме в Симферополе. Отъезд поэта из столицы Крыма в Одессу датируется между 12 (24) и 17 (29) сентября. Засим из доподлинно известного – все. Остальное – предположения ученых.

В Симферополе Пушкина продолжала мучить лихорадка, которую взялся лечить сосед Дессера доктор Федор Карлович Мильгаузен. Но все же поэт наверняка выходил гулять к реке Салгир, рядом с которой находился дом, где остановились путешественники. Позже Пушкин увековечил самую длинную реку Крыма в финале поэмы «Бахчисарайский фонтан»: «Поклонник муз, поклонник мира, Забыв и славу и любовь, О, скоро вас увижу вновь, Брега веселье Салгира!»

В последний день Пушкинской экспедиции мы проводили поэта через Симферополь до самого Перекопа: дальше для крымчан, как известно, земли нет. А впрочем, автора «Полтавы» на современной Украине тоже наверняка вслед за автором этих путевых заметок внесли бы в список пресловутого «Миротворца». Ибо как это там у классика: «И где ж Мазепа? где злодей? Куда бежал Иуда в страхе? Зачем король не меж гостей? Зачем изменник не на плахе?»

На Перекопе, в небольшом селе у самой границы с Украиной, в 2003 году был установлен памятный знак со следующей надписью:

«В сентябре 1820 года на постоялом дворе бывшего уездного города Перекоп по дороге из Крыма в Кишинев останавливался на ночлег А.С. Пушкин. Памятный знак установлен в 2003 году – Год России в Украине». Да, тогда отношения между двумя странами были, по крайней мере формально, еще дружескими. Сегодня у власти в Киеве находятся описанные классиком в «Полтаве» последователи гетмана Ивана Мазепы. Уверен, однако, что рано или поздно это закончится. В финале пушкинской поэмы Мазепа бежит с Украины вместе со своим новым европейским покровителем – шведским королем Карлом XII: «Верхом, в глуши степей нагих, Король и гетман мчатся оба. Бегут. Судьба связала их». То же самое ждет и нынешние мазепинские власти Украины.

«Пушкин – наше все»: этой почти математической формулой известный поэт и критик XIX века Аполлон Григорьев указал значение Пушкина не только для всей огромной России, но и для маленького отдельно взятого Крыма. Его энергией до сих пор питается вся русская культура, его энергией создан российский Крым.

Воспетое Пушкиным счастливое полуденное небо, горы, сады, море сейчас, два века спустя, по-прежнему с нами. Ну а что до заупыщенности этого прелестного края, о которой упоминал поэт, то за последние шесть с лишним лет сделано очень много для того, чтобы избавиться наконец полуостров от этого недостатка.

РФС

Александр Мащенко

Фото Алексея Васильева, Юрия Югансона, Wikimedia Commons

Пушкинская ротонда на мысе Фиолент

